

Д.А. Огузова

АДЫГСКОЕ ОБЩЕСТВО КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ МАКСА ВЕБЕРА

Д.А. Огузова*

Аннотация. В современной исторической науке все большую популярность приобретают такие направления исследования как интеллектуальная история, социальная история. В данной статье мы делаем попытку методологического использования идей Макса Вебера – видного социолога XX века – при рассмотрении адыгского общества традиционного периода. В рамках «новой научной истории» социальная история привлекла нас своим интересом к истории общественных отношений, истории повседневности, истории социальных общностей и социальных конфликтов. Важно то, что в предмет социальной истории входит сфера человеческого сознания, то есть в ходе исследования учитывается ментальность, стереотипы восприятия, модели поведения конкретного народа.

Ключевые слова: адыги, общественные отношения, социальная история, Макс Вебер, ментальность.

Макс Вебер – один из крупнейших ученых начала XX века, внесший существенный вклад в развитие социологии, философии, истории, политической экономии.

Сегодня историки все чаще обращаются к научному наследию М. Вебера, поскольку привлечение таких категорий понимающей социологии, как «поведение» или «социальное действие» и их использование в рамках исторических исследований, позволяет взглянуть на события и людей отдаленных эпох под другим углом, а значит, выявить новые закономерности общественного развития.

Для осмысления сложных общественных процессов Вебер предложил концепцию «понижающей социологии». В ее основе – анализ социального действия, которое сопровождает человека и общество на всем протяжении его истории. Философ выделяет различные типы социального действия:

- 1) целерациональное: в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого поведения;
- 2) ценностно-рациональное: основанное на вере в безусловную самодовлеющую (эстетическую, религиозную или любую другую) ценность определенного поведения;
- 3) аффективное, прежде всего эмоциональное, то есть обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида;
- 4) традиционное, то есть основанное на длительной привычке [3, с. 628].

В традиционных обществах, одним из которых является и адыгское общество конца XVIII – первой половины XIX века, преобладали традиционный и аффективный типы ориентации действия [4, с. 21]. Поэтому для нашего исследования представляют интерес данные типы, которые не являются социальными действиями в собственном смысле слова, так как здесь мы не имеем дело с осознанным смыслом. Эту особенность подчеркнул классик со-

циологии, заявив, что «строго традиционное» действие, как и чисто реактивное подражание, стоит на границе того, что можно назвать действием, «ориентированным по смыслу» [4, с. 20].

Эта «внутренняя приверженность нравам и обычаям» была одной из основных характеристик адыгского общества изучаемого периода. То есть если в конце XVIII века такая тенденция была достаточно сильной, то уже к концу второй половины XIX века общественные отношения начинают принимать иной характер.

Наиболее четко данный процесс можно рассмотреть на примере характера взаимоотношений между господствующими слоями адыгского общества и крестьянством.

У адыгов в рассматриваемый период мы наблюдаем сугубо традиционный характер общественных отношений, опиравшийся на могущество черкесской аристократии и социальную организацию народа, для которой была характерна жесткая соподчиненность классов и сословий, образовавших многоступенчатую иерархическую лестницу. Господствующие классы – князья (пши) и дворяне (уорки разных степеней), связанные сюзеренно-вассальными отношениями, составляли мощную силу, дееспособность и военный профессионализм которой позволял ей претендовать на политическую власть не только в пределах собственно черкесских удельных княжеств, но и в соседних областях Северного Кавказа [9, с. 384].

На протяжении веков слепое безоговорочное подчинение было привычным образом жизни, которое не вызывало вопросов. Текущее положение вещей воспринималось как данность, которую никто не пытался изменить. Право аристократии на политическое господство не только освящалось многовековой традицией существования сословного строя, но и поддерживалось разветвленной системой идеологических представлений.

Легитимность княжеской власти обеспечи-

* Огузова Динара Аслановна – аспирант Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС, г. Пятигорск (schurdumova.dinara@yandex.ru).

валась политическим мифом об иноэтничном, а следовательно, изначально более высоком происхождении элиты по сравнению с основной массой населения. Согласно генеалогическим преданиям, практически все адыгские княжеские династии возводили себя к легендарному Иналу (судя по всему – реальному историческому лицу), предки которого были якобы выходцами из «Арабистана» или Египта [12, с. 152–154].

Еще одним подтверждением инородности элиты были исключительно популярные среди аристократов имена с корнями «бэч» и «мырзэ» (в иранских и тюркских языках являвшиеся показателями высокого социального статуса) и «джэрий» (образованный от родовой фамилии крымских ханов Гиреев).

Но если в первой половине периода авторитет князей и дворян был непрерываем и опирался на традиции, то с установлением режима царского правительства ситуация начала кардинально меняться. Кроме того, были объективные внутренние причины, влиявшие на их статус в глазах народа.

При рассмотрении статуса кабардинских пши в 20–50-х гг. XIX в. следует учитывать, что царское правительство, лишив их прежней власти, запретило им созывать войска, проводить сословно-представительные собрания, советы первостепенных дворян, передавать земли посторонним лицам в условное владение и многое другое [8, с. 248]. Перечень запретов и ограничений можно продолжить, а фактом является то, что князья лишились «прежнего самовластия» [10, с. 62].

В статье В. Масловского «Привилегированные сословия Кабардинского округа» отмечалось: «В последние 40 лет, пережитые кабардинцами под непосредственным управлением русского правительства, бывшие межсословные отношения в Кабарде совершенно изменились. Сила и значение князя каждый день утрачивает свое обаяние и с каждым днем народная масса становится самостоятельной. Таких же князей, которые образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве, в фамилиях Кайтукина, Бекмурзина, Мисостова нет никого. Только в фамилии Атажукина есть один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный, впрочем, под влиянием своего времени. Со смертью же и этого представителя (умер в 1866 г.) останется в Кабарде ничего не значащий княжеский титул, а некогда широкая власть пши перейдет в область легендарного предания» [13, с. 12].

С. Броневский называет знатных кабардинских дворян (тлелотлешей и диженуго) «великими вассалами» [2, с. 90]. Но они перестают быть таковыми после утраты их сюзеренами своего могущества. Причем, освобождаясь от прежних форм вассальной зависимости, они не приобретают большую власть над своими вассалами (уорк-шауотлугусами). В условиях разрушения вассалитета их сюзеренитет над ними становится номинальным [12, с. 248].

Подход Вебера к взаимоотношению между группами с определенными социальным статусом и идеями имеет важное значение для изучения культуры. Современная наука об обществе все чаще применяет термин «культура» как относящийся к образу жизни людей вообще и охватывающий продукты их деятельности и модели поведения, а также идеи и идеалы. Вебер старался в каждом случае проследить стиль жизни определенной социальной группы, которой были присущи характерные нормы поведения [1, с. 570].

В этой связи следует заметить, что описанные выше явления свидетельствуют об изменении системы ценностей у кабардинской аристократии в 30–50-х гг. XIX в. Оголенный интерес к приобретению вещного богатства, в том числе и предметов роскоши, все в большей степени становится доминирующим принципом их поведения, а следовательно, эталоном для феодального класса в целом. Но драматизм положения пши-уорков состоял в том, что возможности реализации этого интереса были крайне ограничены в условиях колониального гнета, натурального хозяйства, отсутствия внутреннего рынка и т. д. И поэтому они все чаще стали прибегать к последнему средству для получения денег – отпуску на волю крепостных за соответствующий выкуп.

С 20-х до середины 50-х гг. XIX в. численность азатов (вольноопущенников) удвоилась и составила две трети населения Кабарды. Надо полагать, что к середине 60-х гг. XIX века их численность еще больше увеличилась. Между тем по «Спискам» 1825 года они составляли только 32,4 % населения Кабарды [7, с. 249].

Затем их удельный вес стал возрастать главным образом за счет уменьшения численности оброчных крестьян (огов), которых в 1825 году было 1302 человека мужского пола, а накануне крестьянской реформы их осталось всего 15 семей [14, с. 27].

Процессы социально-экономической дифференциации привели к тому, что среди азатов образовалась влиятельная социальная прослойка, эксплуатировавшая крепостных (лагунопытов) более интенсивно, чем князья и дворяне [5, с. 69].

Так, мы наблюдаем, что с утверждением России на территории адыгов происходит ломка прежних устоев, трансформация традиционных институтов и социальных отношений. Это, безусловно, означало и трансформацию каждого отдельного сословия и отношений между ними. Более того, это приводит к изменению поведения каждого отдельного представителя, к примеру, крестьянского сословия и знати. Прежний авторитет последнего падает в глазах крестьян. Возможность обогащения и освобождения все чаще ставит их на один уровень, а в некоторых случаях даже может ставить знатного человека в подчиненное крестьянину положение.

В этих условиях для аристократической верхушки господствующего класса в Кабарде возобновление «узденской дани» в виде бенефиция или фе-

ода становится ничем не оправданным бременем. Более того, учащаются попытки изъятия обратных данных ими в прошлом «подарков» и связанных с ними привилегий, что свидетельствует о кризисе материальных и социальных основ вассалитета. Обычно это происходило под предлогом неуплаты тем или иным лицом выкупной суммы при его освобождении от крепостной зависимости. Князья в своих судебных исках рассматривали такого человека уже не как дворянина, а как своего вольноотпущенника, виновного в неуплате положенного по адату выкупа. Удовлетворение таких исков открывало князьям возможности как присвоения имущества своего вассала, так и последующего его закрепощения.

Таким образом, если при «добровольном окрестянивании» дворянин формально сохранял свой статус, то в случае изъятия у него «уорктына» в счет выплаты выкупной суммы он терял все – и дворянское звание, и имущество, приобретая лишь перспективу превращения в крепостного крестьянина [6, с. 191–192].

В рапорте начальника Терской области генерал-лейтенанта М.Т. Лорис-Меликова помощнику главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанту А.П. Карцову от 8 сентября 1866 года отмечалось: «В настоящее время люди низших классов общества и бывшие холопы, выкупившиеся на волю, сделались едва ли не самыми значительными рабовладельцами. Та же роскошь и желание высших сословий удовлетворить ее путем наиболее легким, а именно отпуском холопов на волю, породили многочисленные случаи освобождения» [14, с. 27].

Приведенный фактологический материал свидетельствует, что рационализация социального действия, по мнению М. Вебера, являющаяся тенденцией самого исторического процесса, не обошла стороной и адыгское общество. Одним из существенных компонентов «рационализации действия» является замена внутренней приверженности нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса [4, с. 22].

Интенсивное расслоение крестьянства в дореформенный период было связано с кризисом традиционного феодализма, являясь одновременно показателем степени и глубины его воздействия на социально-экономическую сферу жизни общества. Увеличение численности азовцев за счет сокращения числа оброчных крестьян (огов) приводит к сужению социальной базы крепостнических отношений. Уменьшение числа крепостных, занятых в феодальном хозяйстве, ставило под угрозу его нормальное функционирование. Присвоение всего имущества крепостного в виде выкупа за его освобождение временно улучшало экономическое положение владельца. Но с предоставлением «холопу» свободы из его хозяйства выпадал главный элемент – непосредственный производитель. Причем полученная за его освобождение выкупная сумма не вкладывалась в материальное производство, а потреблялась или шла на приобретение колониальных товаров, в результате многие князья и дворяне разорялись. Для них выбывание крепостных из системы феодально-крепостнического хозяйства являлось невосполнимой потерей, так как услуги вольноотпущенников ни в коей мере не могли компенсировать те многочисленные и разнообразные повинности, которые отбывались крепостными крестьянами [7, с. 250].

Таким образом, опираясь на идеи Вебера, мы полагаем, что адыги, как и множество других народов, оказались под влиянием тенденции «рационализации социального действия». И хотя до начала процесса индустриализации было достаточно далеко, под влиянием Российской империи, с развитием товарно-денежных отношений, у представителей различных слоев адыгского общества начинает проявляться то самое «планомерное приспособление к соображениям интереса». И можно говорить о том, что вмешательство Российской империи вовлекло адыгов во всемирно-исторический процесс «рационализации действия» и ускорило переход от традиционно ориентированного действия к ценностно-рациональному, а в последующем и к целерациональному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бендикс Р. Образ общества у Макса Вебера. / Вебер М. Избранное: пер. с нем. – М.: «Юрист», 1994. 704 с.
2. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М.: Книга по Требованию, 2011. 386 с.
3. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост. Ю.Н. Давыдов. – М., «Прогресс». 1990. 808 с. (Социологическая мысль Запада).
4. Гайденок П.П. Социология Макса Вебера / Макс Вебер. Избранные произведения / Сост. Давыдов Ю.Н. – М.: «Прогресс». 808 с.
5. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX века). – М.: Наука, 1967. 331 с.
6. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: «Эль – фа». 1994. 437 с.
7. Кажаров В.Х. Исторический очерк / Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. Кумахов М.А. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева. 2006. 1250 с.
8. Кармов А., Карданова А., Хунагов А. Исторический очерк / Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. Кумахов М.А. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева. 2006. 1250 с.
9. Кожев З.А. Вассалитет / Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. Кумахов М.А. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева. 2006. 1250 с.
10. Кузьминов П.А. Проблемы права XIX в. в современном историографическом дискурсе адыговедения // Известия КБГУ. Нальчик, 2015. Т. V, № 2. С. 61–65.
11. Кузьминов П.А., Огузова Д.А. Трансформация социального статуса адыгского крестьянства в традиционном обществе (конец XVIII – начале XIX века) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 80–87.
12. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – Нальчик: Эльбрус. 1994. 160 с.
13. Привилегированные сословия Кабардинского округа // Сборник сведений о Кавказских горах. 1870. Вып. 3. 371 с.
14. ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 3, д. 1051.

CIRCIASSIAN SOCIETY OF THE LATE XVIII –
FIRST HALF OF THE XIX-TH CENTURY IN THE
CONTEXT OF THE IDEAS OF MAX WEBER

D.A. Oguzova

post-graduate student, North Caucasian Institute-branch of Ranepa

Pyatigorsk (schurdumova.dinara@yandex.ru).

Abstract: In modern historical science, such areas of research as intellectual history and social history are becoming increasingly popular. In this article we are making an attempt to use the ideas of Max Weber – a prominent sociologist of the XX century – in the consideration of the Adyghe society of the traditional period. As part of the "new scientific history", social history has attracted us by its interest in the history of social relations, the history of everyday life, the history of social communities and social conflicts. It is important that the subject of social history includes the sphere of human consciousness, otherwise, the study takes into account the mentality, stereotypes of perception, patterns of behavior of a particular people.

Keywords: adygi, social relations, social history, Max Weber, mentality.

REFERENCES

1. Bendiks R. *Obraz obshchestva u Maksa Vebera*. Veber M. *Izbrannoe: per. s nem.* M.: «Yurist», 1994. 704 s.
2. Bronevskiy S. M. *Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze*. M.: KnigapoTrebovaniyu, 2011. 386 s.
3. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya: Per. s nem.* / Sost. Yu.N. Davydov. M., «Progress». 1990. 808 s. (*Sotsiologicheskayamysl' Zapada*)
4. Gaydenko P.P. *Sotsiologiya Maksa Vebera / Maks Veber. Izbrannye proizvedeniya* / Sost. Davydov Yu. N. M.: «Progress». 808 c.
5. Gardanov V.K. *Obshchestvennyy stroy adygsikh narodov. (XVIII – pervaya polovina XIX veka)*. M.: Nauka, 1967. 331 s.
6. Kazharov V. Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka*. Nal'chik: «El' – fa». 1994. 437 s.
7. Kazharov V.Kh. *Istoricheskiy ocherk /Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya* / Gl. red. Kumakhov M.A. M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva. 2006. 1250 s.
8. Karmov A., Kardanova A., Khunagov A. *Istoricheskiy ocherk /Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya* / Gl. red. Kumakhov M.A. M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva. 2006. 1250 s.
9. Kozhev Z.A. *Vassalitet /Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya* / Gl. red. Kumakhov M.A. M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva. 2006. 1250 s.
10. Kuz'minov P.A. *Problemy prava XIX v. v sovremennom istoriograficheskom diskurse adygovedeniya // Izvestiya KBGU. Nal'chik, 2015. T. V, № 2. S. 61–65.*
11. Kuz'minov P.A., Oguzova D.A. *Transformatsiya sotsial'nogo statusa adygskogo krest'yanstva v traditsionnom obshchestve (konets XVIII – nachale XIX veka) // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2017. № 1. S. 80–87.*
12. Nogmov Sh. B. *Istoriya adykheyskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev*. Nal'chik: El'brus. 1994. 160 s.
13. *Privilegirovannye sosloviya Kabardinskogo okruga // Sbornik svedeniy o Kavkazskikh gortsakh. 1870. Vyp. 3. 371 s.*
14. TsGIA RG, f. 416, op. 3, d. 1051.

